

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

## СЧАСТЬЕ АКТРИСЫ

Лето 1977 года в Швентойи. Моника Миронайте отдыхает в июле, как и большинство наших братьев-артистов, в доме отдыха Театрального общества, который мы в шутку называем «Жалдокине». Она сидит на ступеньках своего маленького деревянного домика с внуком Юргялисом, и оба очень серьезно пишут «с натурой». 22 июля мои именины, и друзья приходят в мой домик с различными смешными и оригинальными маленькими подарками. Моника приносит мне свой рисунок с такой надписью: «Дорогая Марите! Я уже почти в таком возрасте, когда впадают в детство, поэтому, как и все дети, дарю тебе картинку своей работы. На ней — «вилла» Космаускаса, а то лохматое чудовище — собака (Мильтиниса?). Да пусть для тебя будут солнечными все времена года — особенно весны! Моника Миронайте». Это лишь маленький эпизод из жизни народной артистки Литовской ССР. Но так как, вероятно, жизнь человека и состоит из эпизодов, то каждый из них, по-своему раскрывая суть личности, остается в памяти окружающих.

Когда я еще только уезжала учиться в Москву, в театральный институт, уже знала Моника Миронайте как одну из лучших литовских актрис,

прекрасно сыгравшую ибсеновскую Нору, арбузовскую Таню и многие другие роли. Когда я позже увидела ее игру в «Двое на качелях» Гибсона, «Милом лжеце» Килти, «Пигмалионе» Шоу и в других спектаклях, хотела бежать после представления за кулисы, чтобы выразить свою благодарность и поклонение ее таланту. Но тогда у меня так и не хватило смелости: мы еще не были близко знакомы, только говорили друг другу — «здравствуйте»... А она пришла ко мне в примерную после «Затворников Альтоны» Ж.-П. Сартра, и ее похвала осчастливила меня.

Немало теперь уже лет мы работаем в одном театре, вместе играем во многих спектаклях, и для меня всегда очень много значит доброе слово Миронайте, ее каждое замечание. Для меня всегда очень интересно ее мнение о спектаклях других театров, концертах, книгах, мнение, всегда высказываемое прямо и аргументированно. Приятно быть с Моникой в обществе. Она всегда придумывает различные интересные игры, заразительно смеется, услышав чью-либо удачную реплику или остроумное замечание, любит и сама пошутить (достаточно лишь послушать юмористический дуэт ее с певицей Беатриче Гринцевичо-

те). Но бывает Моника и озабоченной, сердитой. Как говорится, ничто человеческое ей не чуждо. Раз как-то между нами «пробежала кошка». Но вот прошло какое-то время, и после очередной премьеры Моника подарила мне довольно большое сито с надписью: «Марите, если еще и осталась между нами какая-то полоса, давай ее до конца просеем».

Создано свыше 100 ролей, сыграно тысячи спектаклей, выступления на концертах, на радио, телевидении, съемки в кино (которое, скажем прямо, весьма скупое по отношению к ней)... Это — творческая биография актрисы. И общение с художником такого масштаба и таланта — подлинная учеба для многих коллег. Но, к сожалению, это общение, эта учеба, — лишь урывками, по крохам, так как все некогда: бежим, летим, торопимся... Некогда: основное время забирает работа над своими ролями...

Станиславскому принадлежат слова о том, что надо любить не себя в театре, а театр в себе. И я подумала, что было бы хорошо, если б Моника написала о «театре в себе». Что касается Моника Миронайте в театре, то об этом, безусловно, будет еще много написано.

Моника Миронайте — ак-

триса, чье «амплуа» определилось сразу, как только она пришла в театр. Роли главные, в основном драматического плана, составили ее сценическую жизнь. Сыграла она женщин разных судеб, социальных слоев, исторических эпох. Каждая ее героиня — это неповторимая человеческая судьба, удивительно яркая индивидуальность, глубокая личность. Но одно общее у этих образов — беспредельная сила воздействия на зрителя. Равно трогают находящиеся в зале и наивная принцесса Кукочин (одна из первых работ Миронайте в спектакле «Миллионы Марка О'Нила»), и женственная Нора («Нора» Г. Ибсена), и роковая Настасья Филипповна («Идиот» Ф. Достоевского), и агрессивная Элиза Дулитл («Пигмалион» Б. Шоу), и чистая Таня («Иркутская история» А. Арбузова), и трогательная Гитель («Двое на качелях»), и активные горьковские героини, и романтическая Луиза («Коварство и любовь» Шиллера), и Жена («Все кончено» Олби), и Эмилия Марти («Средство Макропулоса» К. Чапека), и Патрик Кембл («Милый лжец» Дж. Килти), и Марысенка («Казимерас Сапера» Б. Сруоги)... Я назвала всего лишь незначительную часть огромного репертуара Моника Миронайте, репертуара, насчитывающего 108 ролей. И все же осталось еще много ролей, о которых мечталось, которые так и не пришлось сыграть — в пьесах Шекспира, скажем...

Как-то в одной из бесед она мне сказала: «Из сорока с лишним режиссеров, с которыми мне пришлось работать, запомнились весьма немногие... Наиболее интересные роли были те, в которых я узнавала что-то для себя новое. Одна из таких ролей — Лиза в «Дворянском гнезде» И. Тургенева. И еще: «Пришла к выводу, что создавать маленькие роли куда труднее — негде разбежаться».

В финале пьесы Олби «Все кончено» Моника Миронайте четыре раза говорит: «Я — несчастна, я — несчастна, я — несчастна, я — несчастна». После спектакля я как-то ее спросила: «Моника, как вы считаете, в действительности вы счастливы или нет?». Она сделала паузу, взглянула на меня и сказала: «Не знаю... Решай сама...».

Взвесить счастье другого трудно, конечно. Но, думая о Монике, мне хочется сказать, что своим большим и светлым искусством народная артистка Литовской ССР, лауреат Государственных премий СССР и Литовской ССР М. Миронайте несла и несет радость другим людям. А народная мудрость гласит, что счастье, даруемое другим, щедро возвращается дарящему. И мне от души хотелось бы, чтобы это счастье в жизни Моника, художника и человека, было как можно больше.

М. РАСТЕЙКАЙТЕ,  
заслуженная артистка  
Литовской ССР.